КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Чарльз Райт Миллс (1916 – 1962) – американский социолог, один из основоположников леворадикального направления в западной социологии. Основные его работы посвящены проблемам распределения власти в современном обществе, в частности, вопросам теории элит, а также методологии социальной науки. В студенческие годы Ч. Миллс испытал сильное влияние прагматизма, защитил докторскую диссертацию о прагматизме. Весьма уважительно относился к наследию К. Маркса, М.Вебера, хотя и воспринимал их работы критически.

Ч.Миллс отличался эклектичностью своих воззрений; в академическом сообществе его относили к анархистам, не признающим условностей, Он не признавал логико-методологических стандартов и норм. Каждая теория, по его мнению, устанавливает свои собственные нормы. Отсюда у него возникла идея «социологического воображения», критически относящаяся к засилью рационализма в социологии. Каждый ученый-обществовед может разрабатывать свои собственные теории, его деятельность не подчинена никаким рациональным нормам, поэтому развитие науки иррационально, Сколько исследователей, столько и методов,– считал Миллс. Это сближало его с позицией П. Фейерабенда, представителя философии науки, разрабатывавшего концепцию «эпистемологического анархизма». В последующем эти идеи нашли отклик в социальных теориях постмодерна.

В книге «Социологическое воображение» в главе «Что нам обещает социология» Ч. Миллс проводит мысль о том, что социолог не должен быть беспристрастным наблюдателем, наоборот, он обязан активно участвовать в преобразовании социальных порядков, открыто отстаивая определенные ценности, и нести всю полноту моральной ответственности.

Признание пришло к Миллсу после его смерти, когда на волне критики «социологического разума» он стал одним из героев «новых левых» в Европе. Его книга «Социологическое воображение» многократно переиздавалась и остается одной из классических работ по социологии.

© Жовтун Д, Т., 2011

Ч.Р. Миллс

Посвящается Харви и Бетти

ЧТО НАМ ОБЕЩАЕТ СОЦИОЛОГИЯ[1]

<…>

…Жизнь индивида и ход истории общества нельзя понять по отдельности, без постижения того и другого вместе.

Однако люди обычно не объясняют испытываемые ими трудности историческими событиями или институциональными противоречиями, они не связывают личное благополучие с подъемами и кризисами в обществе. Редко отдавая себе отчет в существовании сложной связи между тем, как складывается их жизнь, и историческим процессом, простые люди обычно не знают, что от этой связи зависит и то, какими они станут завтра, и то, как будет делаться история, в которую они могли бы внести свою лепту. Большинство не обладает тем качеством ума, которое необходимо для осмысливания взаимосвязей между человеком и обществом, между биографией и историей, между отдельной личностью и целым миром. Люди не могут, стараясь улаживать свои личные неурядицы, контролировать стоящие за ними структурные трансформации.

Это и неудивительно. В какую еще эпоху столь значительные массы людей переживали невероятно стремительные и глубокие социальные потрясения? Если американцам неведомы катастрофические изменения, претерпеваемые людьми в других обществах, то этим они должны быть обязаны конкретным историческим обстоятельствам, которые очень быстро становятся «просто историей». Те или иные исторические события оказывают влияние на каждого человека. В течение жизни одного поколения Европа, вмещающая шестую часть человечества, бывшая некогда средоточием феодализма и отсталости, превратилась в развитую и грозную силу. С освобождением колоний от политической зависимости установились новые, завуалированные формы империализма. В мире постоянно происходят революции, ибо люди оказываются зажаты в тиски новых типов власти. Возникают тоталитарные общества, одни из которых вскоре разваливаются, другие достигают сказочных успехов. После двухсот лет победоносного шествия капитализм доказал, что только он спосо-

[1] Печатается по: *Миллс, Ч.Р.* Социологическое воображение / пер. с англ. О.А.Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. – М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. – С. 11 – 30.

бен превратить общество в промышленную машину. Однако по истечении двух веков радужных надежд даже формальной демократией пользуется ничтожно малая часть человечества. Повсюду в развивающихся странах старый жизненный уклад рушится, и ранее смутные чаяния оформляются в насущные требования. В развитых странах орудия власти и насилия становятся тотальными по проникновению во все сферы жизни общества и бюрократическими по форме. Само человечество предстает перед нами сверхнацией, которая концентрирует на своих полюсах наиболее организованные и мощные силы для подготовки третьей мировой войны.

Скорость, с которой ныне история обретает новые формы, опережает способность человека ориентироваться в мире в соответствии с подлинными ценностями. Да и о каких ценностях можно говорить? Даже не впадая в панику, люди часто понимают, что старое мышление и мироощущение терпят крах, а новые веяния сомнительны в моральном отношении. Надо ли удивляться тому, что простые люди чувствуют себя беспомощными, столь неожиданно оказавшись перед необходимостью непосредственно иметь дело с более широкими социальными контекстами? Они не могут понять ни смысла современной исторической эпохи, ни того, какое влияние она оказывает на их собственную жизнь. Стремясь сохранить свою индивидуальность, они становятся морально бесчувственными и каждый пытается замкнуться в своей частной жизни. Надо ли удивляться тому, что ими овладевает чувство безысходности?

Люди нуждаются не только в информации – ибо в «эпоху факта» информация настолько поглощает их внимание, что они не успевают ее усваивать. Люди нуждаются не только в навыках здравого мышления, несмотря на то, что усилия, затрачиваемые на их приобретение, нередко истощают и без того скудные духовные силы.

Они нуждаются, и чувствуют это – в особом качестве ума, которое поможет пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими. Я намерен утверждать – надежды на развитие такого качества ума журналисты и гуманитарии, артисты и публика, ученые и издатели начинают возлагать на то, что можно назвать социологическим воображением.

1

Тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет объяснять, как в бурном потоке повседневной жизни у людей часто формируется ложное сознание своих социальных позиций. В этом водовороте событий являет себя устройство современного общества, которое формирует психический склад людей. Также и личные трудности людей упираются в независимые от них

проблемы, а равнодушие публики к отдельному индивиду проявляется в озабоченности лишь социально значимыми вопросами.

Первым результатом социологического воображения и первым уроком основанной на нем социальной науки является понимание того, что человек может постичь приобретенный жизненный опыт и выверить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, что он может узнать о своих жизненных шансах только тогда, когда поймет, каковы они у тех, кто находится в одинаковых с ним условиях. С одной стороны, это жуткий урок, с другой – замечательный. Нам неведомы пределы, человеческих возможностей в стремлении к покорению высот и к добровольному падению, к страданию и ликованию, к упоению жестокостью и к наслаждению игрой разума. Но в настоящее время мы узнали, что границы «человеческой натуры» пугающе широки, что каждый индивид от поколения к поколению проживает свою биографию в определенном обществе, в соответствующем историческом контексте. Самим фактом своего существования он вносит собственный, хотя и ничтожно малый, вклад в формирование общества, выбор направления его исторического развития, несмотря на то, что он сам является продуктом общества и конкретно-исторических общественных сил.

Социологическое воображение дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества. В этом заключается задача, которую можно выполнить с его помощью. Принятие на себя такой задачи и осознание ее перспектив – характерная черта классической общественной мысли. Эта черта присуща и напыщенно многословному и скрупулезному Герберту Спенсеру, и изящно, но бескомпромиссно вскрывавшему язвы общества Эдварду Россу, Огюсту Конту и Эмилю Дюркгейму, замысловатому и проницательному Карлу Маннгейму. Ею отмечены все наиболее выдаю- щиеся интеллектуальные достижения Карла Маркса, в ней источник блистательных ироничных прозрений Торстейна Веблена, многомерных конструкций реальности Йозефа Шумпетера, это основа психологической гибкости У. Лекки и, равным образом, необычайной глубины и ясности Макса Вебера. Эта черта присуща всем лучшим современным достижениям в области исследований человека и общества.

Ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в обществе, не может выполнить стоящие перед авторами задачи. Какие бы специальные вопросы ни затрагивали классики общественной мысли, сколь бы узкой или, напротив, широкой ни была картина изучаемой ими социальной реальности, всякий, кто ясно осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов.

1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? Каковы ее основные элементы и взаимоотношения между ними? Чем

структура изучаемого общества отличается от других типов социального порядка? Какую роль играют те или иные особенности данной структуры в процессе ее воспроизводства и изменения?

2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы «делания» истории?

3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? Какой отбор они проходят и как формируются, как обретают свободу или подвергаются угнетению, становятся восприимчивыми или безразличными? Какие типы «человеческой натуры» раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данную эпоху? И какое влияние оказывает на «человеческую натуру» каждая конкретная особенность исследуемого общества?

Именно такого рода вопросы ставили перед собой лучшие представители общественной мысли независимо оттого, являлись ли объектом интереса великое государство или узкое литературное течение, семья, тюрьма или религиозное движение. Подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением. Ибо такое воображение дает возможность социологам переходить от одной перспективы к другой, от политической к психологической, от рассмотрения отдельной семьи к сравнительному изучению государственных бюджетов разных стран, от воскресной школы к армейскому подразделению, от обследования отдельного предприятия к изучению современной поэзии. Социологическое воображение позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними. Использовать эту возможность нас побуждает постоянное стремление понять социально-историческое значение человека в таком конкретном обществе, которое обеспечивает ему проявление своих человеческих качеств и самое существование.

Короче говоря, посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества. Самосознание современного человека, которому свойственно видеть себя по меньшей мере пришельцем, если не вечным странником, во многом обусловлено отчетливым представлением о социальной относительности и трансформирующей силе истории. Социологическое воображение является наибо-

лее плодотворной формой такого самосознания. С его помощью у людей, чей кругозор ограничивается небогатым набором замкнутых траекторий движения, часто появляется неожиданное чувство, как будто они проснулись в доме, который до этого им лишь казался знакомым и родным. Верно это или нет, но они начинают понимать, что теперь они сами способны к правильным обобщениям, непротиворечивым оценкам и взвешенным суждениям. Прежние решения, некогда казавшиеся весомыми, теперь представляются безрассудными и невежественными умствованиями. В людях вновь оживает способность удивляться. Они обретают новый способ мышления, производят переоценку ценностей, короче говоря, их мысли и чувства способствуют осознанию культурной значимости социальных наук.

2

Пожалуй, наиболее важно, что социологическое воображение дает возможность различить понятия «личные трудности, связанные с внешней средой» и «общественные проблемы, обусловленные социальной структурой». Такой подход служит важнейшим фактором социологического воображения и отличительной чертой всех классических работ в области социальных наук.

Личные трудности определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его «я» и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходят за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступного его сознательному воздействию. Трудности - это частное дело: они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой.

Общественные проблемы обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни. Такой выход необходим на уровень институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее на более широкую структуру социально-исторической общности, которая, как целое, складывается из многообразного переплетения и взаимопроникновения индивидуальных сред жизнедеятельности и общественно-исторической макроструктуры. Общественные проблемы – называются общественными потому, что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. Часто спорят о том, что же на самом деле представляют собой эти ценности и что именно им угрожает. Нередко спор оказывается беспредметным только потому,

что, отличаясь по своей природе даже от самых распространенных личностных трудностей, общественные проблемы плохо поддаются определению в терминах непосредственного повседневного окружения простых людей. В действительности общественные проблемы часто связаны с кризисом институционального порядка, а также с тем, что марксисты называют «противоречиями» или «антагонизмами».

Рассмотрим с этой точки зрения безработицу. Когда в городе со стотысячным населением только один человек не имеет работы – это его личная проблема, для решения которой следует обратить внимание на характер, способности и непосредственные возможности данной личности. Но когда нация, обладающая пятидесятимиллионным трудоспособным населением, насчитывает пятнадцать миллионов безработных – это уже общественная проблема, и в этом случае мы не можем надеяться на ее решение в сфере возможностей, доступных каждому безработному в отдельности. Нарушена сама структура возможностей. Чтобы правильно сформулировать проблему и определить уровень ее возможных решений, надо принимать во внимание экономические и политические институты общества, а не только личные ситуации и особенности характера отдельно взятых индивидов.

Рассмотрим войну. Во время войны личные проблемы связаны с тем, что каждый решает, как выжить или геройски погибнуть, или сделать на ней деньги, или занять тепленькое и безопасное местечко в аппарате военного управления или содействовать завершению войны. Короче говоря, в соответствии со своей шкалой ценностей люди вписываются в особую конфигурацию индивидуальных сред обитания, чтобы там пережить войну или придать смысл своей смерти. Но для решения структурных проблем войны требуется выявление ее причин, изучение того, как и какого рода люди выдвигаются на командные посты, каково ее влияние на экономические, политические, семейные и религиозные институты, а также исследование международных отношений, в которых царят неорганизованность и безответственность.

Рассмотрим семью. Состоя в браке, мужчина и женщина могут испытывать личные трудности, но если за первые четыре года совместной жизни на каждую 1000 браков в среднем приходится 250 разводов, то это является индикатором структурной проблемы, решение которой коренится в самих институтах брака, семьи и других опирающихся на них социальных установлениях.

Или возьмем метрополис – жуткий и прекрасный, безобразный и великолепный большой город-спрут. Для многих представителей высшего класса личное решение «проблемы города» заключается в том, чтобы в самом сердце метрополиса иметь квартиру в доме с подземным гаражом, а за сорок миль от города – дом, построенный по проекту Генри Хилла,

сад в стиле Гаррета Экбо*, разбитый на сотне акров собственной земли. Внутри этих двух сред обитания, контролируемых владельцами с помощью небольшого персонала и обслуживаемых собственным вертолетом, многие люди могли бы решить массу личных проблем, обусловленных «фактами» города. Однако сколь бы замечательным ни было это решение, оно отнюдь не снимает общественные проблемы, которые порождены городом как структурным фактом. Как следует преобразовывать это удивительное чудовищное создание? Разбить его на отдельные части, совместив место жительства с местом работы? Провести косметические улучшения, ничего не меняя по существу? Или эвакуировав население, взорвать старые города и выстроить новые на новом месте по новому плану? Каким должен быть этот план? И кому делать выбор, принимать решение и воплощать его в жизнь? Это проблемы структурного характера; при их постановке и решении нам нужно учитывать политические и экономические последствия, которые отразятся на несчетном количестве индивидуальных сред жизнедеятельности.

Пока экономика устроена так, что в ней происходят сбои, проблема безработицы не может иметь личностного решения. До тех пор, пока война будет неизбежным спутником системы национальных государств и неравномерного промышленного развития стран мира, простой человек в своей ограниченной индивидуальной среде жизнедеятельности – с психиатрической помощью или без нее – будет бессилен устранить трудности, которые эта система (или отсутствие системы) ему навязывает. До тех пор пока семья как социальный институт превращает женщин в милых рабынь, а мужей – в их повелителей или беспомощных иждивенцев, проблема брака не может быть удовлетворительно решена исключительно частным образом. До тех пор пока сверхразвитые мегаполисы со своими суперсовременными автомобилями будут составлять неотъемлемую часть самого развитого общества, проблемы городской жизни не разрешатся ни с помощью личной одаренности, ни благодаря частному достатку.

Как отмечалось выше, то, что мы переживаем в своих индивидуальных средах деятельности, часто вызвано структурными изменениями в обществе. Поэтому, чтобы понять изменения, происходящие в отдельных индивидуальных «ячейках», необходимо выйти за их пределы. Тем более что количество и разнообразие структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее – значит получить возможность прослеживать связи внутри величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать – значит обладать социологическим воображением.

---

* Г. Хилл и Г. Экбо – известные американские архитекторы и дизайнеры. – *Прим. ред.*

3

Каковы же главные проблемы нашего общества и какие основные трудности испытывают индивиды? Чтобы определить и те и другие, мы должны, исходя из характеристики основных тенденций современной эпохи, ответить на вопрос, какие ценности разделяются людьми, но находятся под угрозой, а какие сохраняются и поддерживаются. В обоих случаях необходимо выяснить, какие структурные противоречия могут скрываться за этими процессами.

Когда люди придерживаются неких ценностей и не чувствуют, что им что-либо угрожает, они находятся в состоянии *благополучия.* Когда люди разделяют определенные ценности, но *чувствуют,* что им угрожает опасность, они переживают кризис: либо как личные затруднения, либо как общественную проблему. А если людям кажется, что все ценности, которым они привержены, находятся под угрозой, их может охватить паника.

Но представим себе людей, которые не имеют ни одной общей ценности и не чувствуют никакой угрозы. Это состояние *индифферентности,* которое, распространившись на все их ценности, влечет за собой апатию. Представим, наконец, ситуацию, характеризующуюся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это состояние *тревоги,* беспокойства, которое, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь.

Мы как раз и переживаем время безразличия и тревоги, еще не оформившейся настолько, чтобы дать соответствующую работу разуму и свободу чувствам. Вместо того, чтобы определить наши беды в терминах ценностей и угрожающих им опасностей, мы часто лишь страдаем от смутной тревоги; нет четко сформулированных социальных проблем и на душе неспокойно от того, что все кругом как-то не так. А раз мы не осознаем, что нам дорого, и что именно угрожает нашим ценностям, не может быть и речи о принятии каких-то конкретных решений. Еще меньше оснований говорить о постановке проблем перед социальной наукой.

В тридцатые годы, за исключением находящихся в плену иллюзий определенных деловых кругов, мало кто сомневался в существовании экономических проблем, благодаря которым возникали личные трудности. Среди рассуждений о «кризисе капитализма» формулировки Маркса и его многочисленных непризнанных последователей, пожалуй, содержали наиболее верную трактовку этих проблем, и некоторые люди стали представлять свои личные трудности в марксистской терминологии. Стало ясно, что разделявшиеся всеми ценности оказались под угрозой структурных противоречий, которые также представлялись очевидными. И то и другое глубоко переживалось многими. Это вызывало политические действия.

Однако в послевоенную эпоху оказавшиеся под угрозой ценности многие перестали рассматривать как ценности и ощущать грозящую им опас-

ность. Разнообразные личные тревоги почти не получали резонанса; социальные болезни и решения важных вопросов, имевших огромное значение для структуры общественных отношений, так и не становились предметом обсуждения широкой общественности. Для тех, кто по-прежнему признавал унаследованные от прошлого интеллектуальные ценности и свободу, сама тревога была личной, а безразличие – общественной проблемой. Состояние тревоги и безразличия стало отличительной чертой нашей эпохи.

Все это настолько поразительно, что исследователи часто говорят о принципиальном изменении характера проблем, нуждающихся в артикуляции. Мы постоянно слышим, что решение ключевых проблем нашей эпохи переместилось из внешней среды экономики и теперь связано с качеством жизни отдельного индивида, то есть с вопросом о том, как скоро наступит время, наиболее благоприятное для индивидуального развития личности. Не детский труд, а проблема комиксов, не бедность, а проблема массового досуга находятся теперь в центре внимания. Нередко кажется, что многие крупные общественные проблемы вместе с частными описываются как «психиатрические» вследствие трогательного желания социологов избавиться от обсуждения коренных проблем современного общества. Часто кажется, что такая постановка вопроса основывается на провинциальной ограниченности интереса истеблишмента исключительно к западному обществу или даже только к Соединенным Штатам. В этом случае игнорируется не только две трети человечества, но нередко произвольно отделяется жизнь индивида от институтов, в рамках которых она протекает, и которые иногда оставляют в ней более глубокий след, чем то непосредственное социальное окружение, в котором проходит детство человека.

Проблемы досуга, например, даже обсуждать не имеет смысла без рассмотрения проблем труда. Без учета бедственного положения, в котором очутилась семья по отношению к новейшим социальным институтам, невозможно проблематизировать беспокойство родителей о влиянии комиксов на детей. Ни досуг, ни его вредные формы нельзя понять как проблему, не учитывая, насколько социальные болезни и безразличие влияют на отношения между людьми и на климат современного американского общества в целом. В этом климате нельзя ни поставить, ни решить ни одной проблемы «частной жизни» без признания кризиса ценностей, охватившего трудовую деятельность людей в условиях экономической экспансии корпораций.

Верно, как об этом без устали говорят психоаналитики, что люди нередко испытывают «растущее ощущение, будто ими движут скрытые внутри них силы, которые они не способны определить». Но неверно утверждать, как это делает Эрнст Джонс, что «самый опасный враг человека – это его неуправляемая природа и загнанные внутрь темные силы». Напротив, «главная опасность для человека» кроется в неуправляемости сил со-

временного общества с его порождающими отчуждение способами производства, тотальными методами политического господства, анархией в международных отношениях – одним словом, с глубокой трансформацией самой природы человека, условий его существования и жизненных целей.

В настоящее время первостепенная политическая и интеллектуальная задача обществоведа – в данном случае обе задачи совпадают – прояснить элементарные основания сегодняшних тревог людей и безразличия общества. Это главное требование, которое ставят перед ним другие работники сферы культуры – физики и лирики, интеллектуальное сообщество в целом. Думаю, что эти задачи делают социальные науки общим знаменателем нашей культурной эпохи, а социологическое воображение – самым необходимым сегодня качеством интеллекта.

4

В каждую интеллектуальную эпоху какой-то один стиль мышления стремится определять культурную жизнь. Правда, в наши дни определенные интеллектуальные увлечения ненадолго овладевают умами широкой публики, чтобы через год-два смениться новыми.

<…>

Разумеется, преобладание какого-то одного общего интеллектуального знаменателя не отрицает существование других стилей мышления и способов восприятия. Просто с его помощью общие интеллектуальные задачи могут быть наиболее четко формулированы и осмыслены, что если и не приведет крещению какой-либо проблемы, то по крайней мере укажет перспективный путь его поиска.

Думаю, что социологическое воображение становится главным общим знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Это качество мышления, хотя и обнаруживается в социальных и психологических науках, выходит далеко за пределы этих дисциплин. Отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто наощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что применение такого воображения является основным условием для наилучшего выполнения той работы, которую они могли бы делать; что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин.

В то же время присущие социологическому воображению качества как в моральном плане, так и в отношении познания фактов социальной действительности регулярно востребуются литературной работе и для политического анализа. Эти качества трансформируются самыми разнообразными способами, став основными свойствами интеллектуальной

деятельности и интерпретации процессов в области культуры. Ведущие литературные критики наряду с серьезными журналистами являют примеры этого, когда оценивают работу и тех и других. Популярная критика – как высокая, так и среднего и низкого ранга – во всяком случае сейчас, в одинаковой мере использует социологические и эстетические категории. Писатели-романисты, чьи серьезные книги воплощают наиболее распространенные концепции человеческой реальности, обычно обладают социологическим воображением и способствуют его распространению. С его помощью многие пытаются понять настоящее в контексте истории. Как только начинает осознаваться противоречивость представлений о «человеческой природе», возрастает потребность в творческом и более пристальном взгляде на рутинный социальный порядок и те катастрофические перемены, которые в наше время общественных волнений и идеологических конфликтов обнажают (и формируют) природу человека. Хотя мода обнаруживается в стремлении ей следовать, социологическое воображение не просто дань моде. Это особое качество мышления и интеллекта, которое, вероятно, обеспечивает наиболее наглядное представление о самых сокровенных областях нашего бытия в их связи с более широкой социальной действительностью. Это не просто одно из выработанных культурой свойств современного разума. Это именно *то* свойство, более широкое и искусное применение которого открывает возможность всем остальным качествам и фактически самому человеческому разуму играть более важную роль в жизни людей.

<…>

5

<…>

Я бы хотел подробно рассмотреть преимущества, которые сулит нам распространение социологического воображения, показать, какие следствия оно может иметь в политической и культурной жизни, и, может быть, подсказать, что требуется для его использования. Чтобы осуществить поставленные задачи, я должен прояснить природу социальных наук, показать, как они применяются в наши дни и дать краткую характеристику их современного состояния в Соединенных Штатах[1].

[1] Здесь нужно заметить, что слово «обществоведение» (”the social studies”) для меня более предпочтительно, чем “социальные науки” (“social sciences”), и не потому, что я не люблю ученых-естественников (напротив, они мне очень импонируют), а потому, что слово “наука” приобрело огромный престиж и весьма неопределенное значение. Мне не хотелось бы покушаться на завоеванный ею престиж или еще более размывать значение слова “наука”, употребляя его как философскую метафору. Но я подозреваю, что если бы я писал об “обществоведении”, читатель мог бы подумать, что я имею в виду только чиновников высшей школы, ассоциации с которыми из всего того, что составляет систему обучения, мне бы хотелось избежать. Употреблять сочетание “поведенческие науки” просто невозможно, ибо оно

Разумеется, в любой момент исторического развития «социальные науки» впитывают результаты деятельности тех, кого по праву считают обществоведами. Однако это не означает, что все они занимаются одним и тем же. На самом деле эти ученые исследуют совершенно разные предметы. Кроме того, социальные науки включают в свой оборот и то, что сделали обществоведы прошлого, хотя свои построения они основывали на разных традициях. Надеюсь, ясно, что, рассуждая о том, «что обещают нам социальные науки», я руководствуюсь собственными представлениями.

Ныне среди обществоведов широко распространена озабоченность, как интеллектуального, так и морального плана, вызванная неуверенностью в том, в правильном ли направлении ведутся исследования. Думаю, эта озабоченность, усугубляемая другими неблагоприятными тенденциями, проистекает из общего болезненного состояния современной интеллектуальной жизни. Вместе с тем, эта озабоченность наиболее остро ощущается именно обществоведами ввиду еще недавно ожидавшейся от них существенной отдачи и самой природой исследуемого предмета и настоятельной необходимостью что-либо сделать для решения актуальных проблем сегодняшнего дня.

было изобретено, я полагаю, как пропагандистский инструмент для выколачивания денег на социальные исследования из руководителей фондов и конгрессменов, которые пугали “Социальные науки” с “социализмом”. Наиболее подходящее определение должно включать историю (и психологию – в той мере, в какой она имеет отношение к человеческим существам) и иметь максимально недискуссионное содержание, поскольку мы должны, рассуждая, *использовать* термины, а не бороться *за* них. Пожалуй, термин «гуманитарные дисциплины» мог бы удовлетворить этому требованию. Я все же надеюсь, что не введу своих читателей в заблуждение, если буду использовать общепринятый стандартный термин «социальные науки».

И еще одно замечание. Я надеюсь, что мои коллеги благожелательно примут термин «социологическое воображение». Политологи, прочтя эту рукопись, говорили о «политическом воображении», антропологи – об «антропологическом» и так далее. Термин, вынесенный в название книги, менее значим, чем идея, которая, надеюсь, прояснится в ходе изложения. Применяя его, я, конечно, не свожу социологию только к учебной дисциплине. О многом из того, что я вкладываю в это понятие, писали отнюдь не социологи. В Англии, например, социология как учебная дисциплина по сей день занимает несколько маргинальное положение, в то время как в английской журналистике, художественной литературе и прежде всего в исторической науке социологическое воображение получило мощное развитие. Сходная ситуация во Франции. Отсутствие междисциплинарных границ и смелость французской послевоенной мысли проистекают из внимания последней к социологическим параметрам человеческой судьбы в наше время. Тем не менее я использую понятие «социологическое воображение» потому, что, во-первых, всякий кулик свое болото хвалит, а я, к добру или к худу, - социолог; во-вторых, я искренне полагаю, что на протяжении истории общественное сознание с большим постоянством и живостью выражалось социологами-классиками, чем представителями других социальных наук; в-третьих, поскольку я собираюсь критически рассмотреть некоторые социологические школы, для обозначения своей позиции мне необходим некий термин, на котором я мог бы основывать свои аргументы.

Не все разделяют это беспокойство, но сам факт, что его многие игнорируют, порождает еще большее беспокойство людей, у которых хватает честности признать претенциозную посредственность большинства предпринимаемых ныне усилий. Я искренне надеюсь стимулировать эту озабоченность, вскрыть некоторые ее источники, постараться обратить ее в специфическую настоятельную потребность реализовать возлагаемые на социальные науки надежды, прояснить основания для новых начинаний, короче говоря, указать некоторые очередные задачи и доступные средства выполнения той работы, которую необходимо сделать в настоящее время.

Нельзя сказать, что концепция общественной науки, которой я придерживаюсь, переживает подъем. Моя позиция противостоит взгляду на общественную науку как на набор бюрократических процедур, которые опутали социальное познание своими «методологическими» претензиями, переполняют его схоластическими концепциями и опошляют мелкотемьем, не имеющим отношения к общественно значимым проблемам. Эти путы, схоластичность и пошлость ввели обществоведение в кризисное состояние и не содержат даже намека на пути выхода из него.

<…>

© Жовтун Д.Т., составитель, 2011